

СТИЛЬ

Папская индульгенция

мужчина отец

Детская колонка в „Ъ“-Weekend, в которой мы с Валерием Панюшкиным по очереди рассказываем про своих детей, имеет определенный успех, и как-то я был на радио «Эхо Москвы», участвовал в передаче «Школа молодого отца». Ведущий спросил меня, как появилась эта колонка. Я с готовностью рассказал придуманную на ходу историю о том, как мы как-то сидели и думали о том, что нужна какая-то такая колонка, где рассказывалось бы про детей и их родителей, ибо нельзя было уже не иметь в журнале такой колонки, потому что иметь детей — это уже очень модно.

Ведущий не дал мне продолжить.

— Стоп! — закричал он. — А вот об этом мы поговорим подробнее! Что значит модно?

Я сразу как-то, честно говоря, сник. Дело в том, что очень трудно же объяснить, что значит «модно». Это же не значит, что ты с детьми ходишь на показы мод. И я начал было объяснять, и тут же понял, что тону. Каждое мое слово вызывало кучу новых вопросов — у меня самого. Тогда я сказал:

— Модно — это то, что носят в этом сезоне. Вернее, вынашивают.

Больше вопросов на эту тему не поступало.

А жаль. У меня-то они только появились. На самом деле что-то же и в самом деле такое витало в воздухе. Ну это и правда модно стало: приходил в гости и в рестораны со своими детьми. Еще год-три назад это было довольно сложно себе представить. В гости, а уж тем более в рестораны приходили с детьми только по одной причине: их было не с кем оставить дома.

А теперь мы явились с Машей и Ваней в заведение «На веранде у Дачи» — встречать Новый год — и обнаружили, что таких, как мы, вернее, как Ваня с Машей, — целый этаж.

Как же так получилось? Вроде как-то незаметно. Так же незаметно, как стала модной эта колонка в Weekend. И вот я прихожу в какой-нибудь супермаркет и слышу от незнакомых людей недоуменный вопрос:

— Вы что, без Маши и Вани?

Нуда, без них. Как-то уж так получилось. Еле вырвался хоть в магазин. И вот один этот вопрос, и я чувствую себя виноватым — и перед Машей с Ваней, и перед этими людьми.

А по интернету присылают письма благодарные жены, ставшие на днях матерями. Они благодарят за то, что их мужья, только начитавшись

этой колонки, поняли, как надо жить и что нужно для этого делать.

Чувствую ли я, как это модно — то, что у меня есть маленькие дети? Ну да, я чувствую. На самом деле мы очень часто берем с собой детей. Мы приходим с ними на какую-то вечеринку и встречаем знакомых. У них дети нашего возраста.

— Привет, — говорю я. — Привет. А вы с Ваней и Машей? А мы, знаете, решили от своих отдохнуть, — тревожно говорят мне оспиротившие родители. Их сироты остались дома.

И через несколько минут я вижу, она ему выговаривает что-то полупшепотом где-то в углу, стоя с коктейлем в дрожжащих от возмущения руках, но вот они уже больше не дрожат, потому что она уже размахивает ими и не боится залить свое коктейльное платье. И я знаю, что она ему выговаривает. Они пришли без детей. Теперь им плохо. (Насчет детей не уверен.)

А мне хорошо. Дело не в том, что я прямо всей кожей чувствую, как у меня сейчас все очень модно. Дело в том, что мне на самом деле хорошо. Мне, во-первых, есть чем заняться. Я смотрю за детьми.

Это ведь главная проблема на всех этих вечеринках — необходимость говорить. Эти разговоры, необязательные разговоры давно не видевших друг друга (и век бы еще не видевших) людей. Поговорил с этим и сейчас подойду вот к этому. А вот этот меня опереди и сам подошел первым. У нас много общих тем.

Есть, конечно, люди, которых и правда приятно видеть. Их даже иногда бывает довольно много. Их даже бывает больше, чем ты мог бы предположить, идя на эту вечеринку. Но их всегда меньше, чем хотелось бы.

Вообще-то, можно сказать на это: а зачем тогда приходиться на все эти мероприятия?

Сиди спокойно дома и наслаждайся чем привик. Можно вот детям наслаждаться. Но ты же встаешь и идешь и едешь. Зачем? На это тоже есть хороший ответ: детям очень нравится.

Это хорошее, прекрасное даже для тебя самого объяснение. Оно, если разобраться, необходимо тебе. Потому что если нет его, то неизбежно возникнут другие, не такие удобные для тебя. Например, тебе придется убеждать себя, что это интересно тебе. А ведь это вранье.

Есть и другие объяснения, если это все-таки не устраивает. Они еще хуже. А так — все чудесно. Ты живешь в гармонии с собой и окружающим миром. Апофеоз дзен-буддизма.

Я помню, как мы с Машей встречали Новый год, когда они были совсем маленькими. Ваню мы тогда не взяли, потому что он был тогда вообще еще, по-моему, грудным младенцем.

Маша пришла в бальном платье. Мы вошли — и на меня никто не обратил никакого внимания. Это само по себе было уже прекрасно. Все гости смотрели только на Машу. Что-то такое было даже не в ней, а в этом платье. Я не знаю, что именно. Может, я вообще ошибаюсь. Может, дело совершенно не в платье, а все-таки в самой Маше. Просто ее я раньше видел, а это платье она надела в первый раз. Может, и правда дело было в Маше. Но мне казалось, что все дело в платье.

В этой компании было много итальянцев. Они за весь этот вечер так ни на минуту и не выпустили девочку в этом платье из рук. Они передавали ее с рук на руки. Ей дарили дорогие подарки. Она легко выигрывала взрослые конкурсы. Достаточно ей было прочитать хотя строчку какого-нибудь детского стихотворения — и в руках у

нее оказывался шелковый шарф MaxMara. Стоило ей повернуться на каблучках, платье наполнялось воздухом... общий вздох — сумочка Etgo.

К тому же это ведь были не просто итальянцы. Это были итальянцы в России. Они занимались тем, что просто передавали Машу с рук на руки — и все, и слезы счастья душили этих людей, приехавших встретить Новый год в эту противоречивую страну, где за огромным окном зачищали Красную площадь от посторонних мнительных солдат внутренних войск, не поднимавшие от смущения глаз (им все-таки, кажется, было стыдно из-за того, что делают, и они, наверное, представляли себя на месте людей, которые приехали сюда, чтобы встретить Новый год на Красной площади именно для того, чтобы это запомнилось и тогда бы можно было ответить друзьям на вопрос, где ты встретил Новый год, что-нибудь новое, а не то, что обычно), — а здесь, в ресторане, рядом с ними крутилась на каблучках, в развевающемся бальном платье эта дой-мовочка.

Мне все это время не надо было придумывать, чем заняться. Мне оставалось стоять и придиричливо наблюдать за этой девочкой — и я понимал, что и сам довольно моден сейчас со своей ревностью, которая душила меня, без преувеличения, душила.

Потом моим приятелю удалось вырвать Машу из рук итальянцев. Но зачем? Он стал танцевать с ней. Он, подлец, хорошо танцевал. Прошло уже два года, а она помнит ему этот танец и нечеловечески смущается, когда видит его, а он не понимает, в чем тут дело, и старается на всякий случай наговорить ей побольше любезностей, чтобы она расслабилась. А она и не напрягалась. У нее просто хорошая па-

мья. Лучше, чем у него. Она, кажется, будет помнить этот танец всю жизнь.

Потом мы ушли из ресторана, и мне не надо было никому ничего объяснять. Я просто кивнул на Машу, и все. В этом было еще одно преимущество. Никто не просил нас задержаться, и мне никому не приходилось говорить, что на самом деле мы очень спешим, потому что завтра, например, рано вставать. А меня не убеждали, что не надо рано вставать, потому что организм ведь сам подскажет, когда вставать, и я не был вынужден спорить с этой космической чушью и доказывать, что это они могут никогда нигде не торопиться, а я не могу, мне заметку в номер писать про Путина. И чем дальше я бы это все говорил, тем большим идиотом себя чувствовал бы — и ничего уже с этим не мог поделать, и оставалось бы только страдать, особенно утром, когда все это вспоминал бы. И только в этом страдании было бы мое утешение, слабое, впрочем.

И еще один эпизод у меня до сих пор сидит в голове. Это было прошлым летом, на танцплощадке ШПКиО. Мы пришли туда уже ночью. В парке культуры в этот день был как назло всемирный фестиваль фейерверков. Мои дети два часа стояли, задрав головы и орали от восторга как дикие. Но они не за этим сюда пришли. Они пришли на танцплощадку в «Черешневом лесу». Танцы были в самом разгаре. Мы стояли и смотрели на танцующих людей. Эти люди в эту пятницу не поехали в «Ферст» и в «Кабаре», а приехали сюда, потому что в этот вечер все приехали сюда.

Я стоял и смотрел на них. У меня даже мысли не возникло присоединиться к ним. Как я должен был себя чувствовать? Я так стоял подростком примерно на такой же танцплощадке с чудной ре-

шетчатой оградой, припирая эту ограду спиной. И я до сих пор помню, как глупо я себя чувствовал, стоя так.

Но Боже, как же хорошо я себя чувствовал, подпирая эту ограду вместе с Машей! Я показывал ей лучшую в городе танцплощадку. В этом была моя миссия. И она была выполнена. И я ее выполнял. И все это видел. И Маше было и в самом деле интересно. То есть даже можно было сказать, что она была абсолютно захвачена происходящим.

И тут ко мне подошел хорошо одетый человек лет 30 и на ломаном русском языке попросил у меня Машу на один танец. Она посмотрела на меня с мольбой, и я не знал, что эта мольба означает. О чем она умоляла меня? Отпустить ее или не отпускать? Рулетка. Чет-нечет. Красное-черное. Я отпустил.

Он вел ее очень аккуратно. Он тоже, как и мой приятель, очень хорошо танцевал. Она тоже не зря ходит на танцы.

Он вернул мне мою дочь со словами:

— Это лучший день в моей жизни! В таких беретах, как у вашей дочки, ходят у нас в Марселе. Вы должны запомнить: в Марселе, а в не Париже! В Париже не понимаю, что такое настоящий берет!

Я надел на Машу этот берет в последнюю секунду перед выходом из дома. Надел, потому что подумал, что мы выйдем из дома поздним вечером, а вернеем уже, наверное, утром. И надел. Этот берет привезла как-то Машина бабушка. Его носила и Машина мама, и сама Машина бабушка.

Странно, что Маша совершенно не помнит танца с этим французом.

Теперь я скажу самое главное. Мы ходим везде с детьми по одной причине: их не с кем оставить дома.

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

Апгрейд молодости

мужчина дед

Мы будем стоять вместе долго. Вот мы стоим с тобой, Федор, на зеленой лужайке за дачным домиком в Тучково. Мы сейчас будем биться за мяч. Ты, Федя, в синей майке команды Chelsea и тебе всего два с половиной года. Я никогда в жизни не играл в этот дурацкий футбол, мне как-то ближе на Gibson побренчать под пиво. Но я встаю и героически иду с тобой играть этим утром в футбол. Потому что лучше тебя, Федор, у меня за последние много-много лет ничего лучшего не происходило в жизни.

Не потому, что было скучно — нет, вовсе наоборот, я тут не так давно победил российскую систему здравоохранения и в схватке с ней выжил, пережил несколько главредов и сделал несколько забавных журнальчиков, отряхнул остатки кризиса среднего возраста и научился курить сигару. (Какая гадость!) Но это к реальной мужской жизни имеет такое же отношение, как замерзший торс Абрамовича на берегу Анадыря лет через пятнадцать, от которого нерпы будут откусывать по кусочку. И все уже забудут про Chelsea.

Мало кто признается, но мужчине к 40–50 годам почему-то очень хочется заново пережить факт отцовства. Может, это страх смерти. Танатос. А может, это справедливое опасение, что вот-вот и больше толком уже ничего не встанет — ни в душе (soul, а не showet), ни во всех остальных отделах гардероба. Может, хочется напоследок профрантизировать чем-то сперматическим в эту жизнь и сказать граду и миру: «Я живой! У меня есть маленький! У меня есть сын, и он сделает все то, чего я так никогда не сделал, а теперь-то уж точно не сделаю». Точно, есть такое дело. Я тут сам уже пытался подкатывать к матери моих детей — как бы нам завести маленького, чтобы гукал, чтобы писался. Я, кстати, даже отличную биологическую мать для него нашел. Даже трех. Все молодые, с длинными ногами, голубыми глазами. А какие сиськи! Чем не вариант родить? А получить некоторое удивление в ответ, спросил: «А может, просто возьмем из детского дома, тоже совсем маленького? И у нас еще появится вариант борьбы с этой жизнью и еще один вариант победы». Возможно. Да только вот жена оказалась дефектологом профессиональным и почему-то не захотела брать на себя грехи чужих отцов.

А что делать? Голды-то уходят. Уже для того, чтобы рассмотреть все детали искусства, собранного под обложкой журнала Hustler, приходится надевать очки. А что может быть удивительней? Унизительней только провозаглядеть под углом на улице не задницы молодых мамаш, а коляски со славными, но вовсе не твоими малышами. Эти коляски едут не к тебе домой, старичок. К тебе едет уже совсем другая колясочка. Еще немного — и придется менять жену на молодую. Кстати, так многие и поступают. Выдумаете, они меняют бабу с первым миллионом? Типа — мужчина меняет социальное положение и потом меняет женщину? Нет, он как дурак ждет, что новая красивая девушка родит ему нового красивого сыночка. И он опять будет окрыленным двадцатилетним оболтусом. Хотя никто — я специально спрашивал — никто в свои 20 лет так и не понял всего кайфа, когда у него появился первый ребенок. Стоит прожить 47 лет, три раза умереть, научиться курить сигары и ездить на автомобиле пьяным, понять, что лучший способ учить иностранных язык — это спать с иностранкой, побороть внутренний атеизм, увидеть вулкан Гекла лицом к лицу и арендовать яхту в 120 футов, чтобы понять, что с первого раза в раннем отцовстве ты ни фига не понял. Вот есть у меня друг — удивительной силы был человек: бизнес выстроил, пиво пил как молодой, дочь вырастил, жена-ровесница, ухоженная как зайка, все дела. А потом он в один день берет и уходит из дому напрочь. К молодой девке с крепкой задницей и сиськами и с рассказами о том, что у нее скоро будет маленький. Никто не знает, чей это маленький и будет ли он. Но этот удивительный крепкий и умный человек просто закрыл за собой дверь и поперся в никуда своих сорока с лишним годов. Потому что впереди задержала новая жизнь, где можно будет заново не только наслаждаться качественным и молодым минетом, но и получить апгрейд молодости в виде небрежно запеленатого комочка по имени Малыш. Небрежно — это потому, что я противник теории тугого пеленания. Имен-

но из-за него страна не имеет нормальных вокалистов ни в рок-жанре, ни в каком другом. Но это, кстати, я понял, только когда сам стал дедушкой. Но об этом через секунду.

Знаете, в чем была ошибка моего друга? Он упустил тот момент, что его собственная дочь вот-вот может родить ему, молодому и здоровому (пивной диатетик не в счет), богатому и интересному, подарок в виде сына. Или дочки. То есть внука или внучки. И тогда вариант с выходом за дверь 200-метровой квартиры был бы исключен за ненадобностью. Может, у меня съехала крыша, но в первый же день новой жизни Федора (спасибо дочери Маше) я предложил ей усыновить его. Потому что у меня просто в голове не уместилось — как это наш малыш, и он не будет носить мою фамилию, и вообще я на миг забыл, что у него есть отец. Правда, я хотел, чтобы он был совсем наш, ну совсем-совсем. Правда, он таким и оказался. И если это был не я, кто нес его из роддома, то только потому, что он такой крохотный, что я не знал-таки, как его брать на руки, не повредив хорду или что там у этих зверьков вместо позвоночника. Зато теперь понятно, что все-таки маленьких детей должны воспитывать женщины.

И где-то с полутора-двух мы можем уже приступить. Конечно, процесс воспитания поначалу сводится к простой прогулке под снегом и дождем. Но он тут же приносит плоды. Стабилизируется давление, и молодые мамыши, которые ходят с вами по тем же скверикам, между прочим, принимают вас просто за взрослого небедного папашку (они же видели, что вы приехали в парк на новеньком джипе). И ты входил во вкус — ты понимаешь, что можешь сейчас этому маленькому дать то, чего не мог дать собственным малышам в 80-е. Во-первых, время. Во-вторых, безграничные возможности для процесса баловства. Моральные, а тем более материальные. Понятное дело, что теперь европейские магазинные процессываются только для одного модника в семье. Какая жена? Какие дети? Какой зять? Они уже все взрослые — пусть сами сделают хоть что-нибудь в жизни. Оторвут задницу наконец от телевизора. Вот мы в их годы! Да, в их годы мы не ходили по парижской Galerie Lafayette с золотым Master Card. И не жили в George V, где тебя настаивает в четыре часа утра звонок от внучка. Просто он проснулся среди ночи, нашел мамину Nokia и начал набирать все номера подряд. Если бы совершенно случайно с тобой в 150-метровом свите оказалась пара парижских девчонок, ты бы им с гордостью рассказывал в эти четыре часа утра, какой же у тебя все-таки талантливый и сообразительный мальчик. Потому что тебе еще 47, и ты уже ментально приближаешься к этому славному парню, а до марсама еще далеко-далеко.

Мы с тобой не только будем играть в футбол на зеленой лужайке и совершать заплыв через Москву-реку в том месте, где она пока еще чистая. Мы не только будем с тобой сидеть за рулем Audi A6, потому что у тебя врожденный талант разбираться с техникой и на Ford Focus тебя уже посадишь с трудом. Пока я спрячу от тебя все ключи и даже запру компьютер, потому что негоже включать без спроса дедушкин компьютер, я пока не собирался объясняться с твоей мамой, почему на обоих моих мониторах малоодетые русские красавицы. Кого волнует? Вот только сделают тебе все массажи, снимут тонус с ножек, мы начнем ездить с тобой в бассейн. А потом с собакой Тильдой в лес. А потом к Лисину на стрельбище, а потом в Лондонскую библиотеку. Потом ты научишься водить легковой самолет и, конечно, зачнешь учиться играть на ударных, потому что до ма 15 гитар и 6 усилителей и ни одного барабана. Потом будет время, когда я все еще смогу поднять тебе на руки, а ты уже сможешь подставить мне плечо. Потому что мы с тобой банда — дед и внук — молодые и нагле как никогда.